

Дефиниции и соотношение категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод»¹

А. Е. Канакова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kananna19@yandex.ru

В статье рассматривается теоретическая дискуссия по вопросу дефиниций, содержания и соотношения категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод», используемых в юридической науке. Автор выявляет причины, порождающие сложности при правовом регулировании прав и свобод в цифровом пространстве, анализирует имеющиеся нормативные и теоретические подходы к модели правового регулирования цифровой сферы. Итогом проведенного исследования является предложенная автором модель соотношения категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод», согласно которой цифровые права могут создаваться только в том случае, если возможность, порожденная технологическим прогрессом, не имеет уже существующих аналогов в правовой сфере. В случае если законодательство Российской Федерации уже содержит подходящую категорию, действующую в офлайн-пространстве, следует говорить исключительно о цифровизации данного правомочия, выражающейся в корректировке содержания или способов реализации. Вместе с этим автор рассматривает вопрос корректности использования характеристики «цифровые» по отношению к правам и свободам, так как некоторые авторы предлагают иное наименование указанной группы правомочий. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что категории «информационные права и свободы» и «цифровые права и свободы» нельзя признать тождественными, а термин «виртуальные права и свободы» является излишним.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые права и свободы, информационные права и свободы, виртуальные права и свободы, права и свободы.

Definitions and Correlation of the Categories "Digital Rights" and "Digitalization of Rights and Freedoms"

A. E. Kanakova

Altai State University

61 Lenin str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kananna19@yandex.ru

The article examines the theoretical discussion on the issue of definitions, content and correlation of the categories "digital rights" and "digitalization of rights and freedoms" used in legal science. The author identifies the reasons that give rise to difficulties in the legal regulation of rights and freedoms in the digital space, analyzes the available normative and theoretical approaches to the model of legal regulation of the digital sphere. The result of the conducted research is the author's proposed model of correlation between the categories of "digital rights" and "digitalization of rights and freedoms", according to which digital rights can be developed only if the opportunity generated by technological progress lacks existing analogues in the legal sphere. If the legislation of the Russian Federation already contains a suitable category operating offline, we should speak exclusively about the digitalization of this right, expressed in the adjustment of the content or methods of implementation. At the same time, the author considers the issue of the correctness of the use of the characteristic "digital" in relation to rights and freedoms, as some authors propose a different name for this group of rights. The analysis made it possible to conclude that the categories of "information rights and freedoms" and "digital rights and freedoms" cannot be recognized as identical, and the term "virtual rights and freedoms" is superfluous.

Key words: digitalization, digital rights and freedoms, information rights and freedoms, virtual rights and freedoms, rights and freedoms.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01133 «Цифровизация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>.

Несмотря на то, что правовое регулирование происходящих технологических трансформаций общества и государства привлекает внимание все большего количества ученых, неоспоримым является то, что единства подходов в данной сфере не наблюдается. Отсутствие однородности в отношении правового регулирования происходящих изменений вызвано рядом причин. Во-первых, развитие технологий происходит стремительно, отчего даже обычные пользователи соответствующих технологий не всегда успевают за изменениями и не сразу их осваивают, что предопределяет еще большее отставание законодателя от реального технологического уровня в силу отсутствия у него необходимых знаний и неповоротливости законодательного процесса. А так как законодатель не берет на себя центральную роль в определении модели правового регулирования, то их выработкой занимается научное сообщество, создающее множество сочетаемых и несочетаемых комбинаций.

Во-вторых, далеко не каждый правовед занимается вопросом разработки комплексного подхода регулирования цифровой составляющей правовых категорий, в большинстве случаев ученые концентрируют внимание на частных вопросах, связанных со сферой их научного или практического интереса, редко выходя за обозначенные пределы.

В-третьих, корректное объяснение любого вопроса начинается с правильно подобранной терминологии, так как ошибочное использование понятий и категорий может привести не только к невозможности донесения необходимой мысли, но и к созданию недостоверной базы для проведения дальнейших исследований. Непроизвольно указанная ситуация сформировалась в рамках исследований правового регулирования цифровой среды, так как в условиях отсутствия единой базовой терминологии ученые стали обосновывать собственное видение, расширяя профессиональный лексикон либо смежными, похожими словами, либо придумывая новые авторские термины.

Расхождение позиций можно обнаружить даже на этапе первичного анализа документов, имеющих отношение к указанному вопросу. Например, в подходе ООН, высказанном в резолюции в поддержку свободы слова в интернете, было подчеркнуто, что все права и свободы, которые человек имеет вне сети, должны также защищаться в онлайн-среде [В ООН...: URL]. Следовательно, можно сделать вывод, что ООН подразумевает расширение сферы применения и защиты прав, ранее установленных, а не предполагает создание новых категорий.

В то время как нормативный подход, реализованный в Российской Федерации, первоначально наталкивает на иное понимание выбранного пути развития правовой мысли. Так, Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внес в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) ст. 141.1, закрепляющую новую категорию «цифровые права», под которой понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Представленная новая категория подвергалась существенной критике в рамках научного сообщества.

Так, И. Л. Петрова и В. С. Манохин, затрагивая вопрос цифровых прав, установленных в гражданском законодательстве, акцентируют внимание на том, что введение данной категории является некорректным, так как до сих пор отсутствует четкое понимание и толкование категории «цифровое право», наполнение которого должно происходить путем анализа явлений, которые могут считаться частью цифрового права [Петрова, Манохин 2019: 168].

А. А. Арямов, Е. О. Руева и А. А. Чигак также критически оценили категории «цифровое право», «цифровой актив» и «унитарные цифровые права», отмечая тавтологии и алогизмы этих категорий (например, в контексте «цифрового права» объектом права является само право) [Арямов, Руева, Чигак 2020: 134].

Говоря о цифровых правах человека, Э. В. Талапина отмечает, что узурпированный цивилистами термин «цифровые права» представляет собой порочное удвоение сущности, поскольку они дублируют традиционные права. Таким образом, российское законодательство пошло вразрез с традиционным мировым пониманием цифровых прав, рассматриваемых с точки зрения публичного права, став фактически диссонатором континентальной правовой системы. Автор предлагает два выхода из сложившейся терминологической путаницы: либо употреблять категорию «цифровые права» в двух смыслах – частноправовом и публично-правовом, либо ввести новый термин для публично-правового обозначения цифровых прав, например двоичные (бинарные) права, которые не только показывают связь с цифровой передачей информации, но и через игру слов оттеняют двойственность прав человека – как в онлайн, так и в офлайн [Талапина 2019: 133-134].

С. И. Глушкова и Е. Д. Летунов отмечают, что введение категории «цифровые права» в гражданское законодательство создало терминологическую подмену, когда в понятие, которое в мировой практике используется в одном смысле, вложили совершенно иное содержание. На основе этого ими был сделан вывод, что данное специальное отраслевое правомочие не затрагивает вопрос сущности цифровых прав и их отличительных особенностей [Глушкова, Летунов 2021: 15].

М. А. Рожкова указала, что «цифровое право», учрежденное в ст. 141.1 ГК РФ, является специальным отраслевым понятием, оторванным от общей концепции «цифровых прав». Согласно тексту пояснительной записки к законопроекту, положенному в основу изменений гражданского законодательства, понятие «цифровое право» вводилось вместо термина «токен», а сама сущность «цифрового права» как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под данным правом следует понимать совокупность электронных данных, которая удостоверяет права на объекты гражданских прав [Рожкова 2020: 4-8].

Р. Б. Головкин и О. С. Амосова, рассматривая дефиницию, введенную в гражданское законодательство, делают вывод о том, что она не выполняет своей основной задачи по определению сущности цифровых прав. В частности,

они усматривают необоснованное расширение цифровых прав, так как по смыслу нормы получается, что к цифровым правам можно отнести все обязательственные и иные права, определяемые правилами информационной системы. Вместе с этим авторами отмечается нарушение основного правила формулирования правовых или иных понятий, когда определение должно содержать только известные признаки, не требующие пояснений и не содержащие двусмысленности, а в ст. 141.1 ГК РФ цифровые права определяются через информационную систему, которая также не имеет однозначных трактовок. Авторами делается вывод, что цифровые права – это не самостоятельные меры возможного поведения субъектов правоотношений, а, скорее, форма выражения субъективных прав, отраженных в гражданском законодательстве и соответствующих информационных системах [Головкин, Амосова 2019: 164-166].

В. Е. Молостова провела основательный анализ становления цифровых прав в России. Рассмотрев изначальную и итоговую трактовку категории «цифровые права», изучив комментарии профильных комитетов Государственной Думы РФ, В. Е. Молостова приходит к выводу, что окончательная формулировка, используемая в ст. 141.1 ГК РФ, включает в себя вообще любое право, которое каким-либо образом оказалось зафиксированным в цифровом виде. Несмотря на это, В. Е. Молостова отмечает, что противоречия в понимании термина «цифровые права» пока остаются, и приводит в качестве примера истории появления в российской правовой реальности категорий «цифровые финансовые активы» (Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и «унитарные цифровые права» (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Вместе с этим автором отмечается, что используемые в ст. 141.1 ГК РФ словесные конструкции («названные в таком качестве в законе», «отвечающей установленным законом признакам») предопределяют ориентир на дальнейшее развитие термина «цифровые права». Подводя итог, В. Е. Молостова делает вывод о том, что цифровое законодательство в России носит несистемный характер, так как оно формировалось преимущественно для решения текущих, а не стратегических задач [Молостова 2022: 379-382].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на введение в российское законодательство категории, напрямую связанной с цифровым пространством, она не упростила, а усложнила ситуацию, усугубив и без того разнонаправленные дискуссии по указанному вопросу.

Однако даже если абстрагироваться от категории «цифровые права», закрепленной в гражданском законодательстве, и перенести фокус внимания на общетеоретическое понимание цифровых прав и свобод, то тезис об отсутствии единого подхода к статусу и наполнению данных категорий лишь подтверждается.

Первостепенно необходимо обозначить, что стихийно сложилось два подхода к оценке влияния технологического прогресса на правовую составляющую прав и свобод человека и гражданина. В рамках первой позиции технологические трансформации создают новые правовые категории, требующие обособленного правового регулирования, то есть предопределяющие появление цифровых прав и свобод. Вторая позиция заключается в том, что процесс цифровизации не порождает новые категории в правовой сфере, а лишь вносит изменения в существующие права и свободы, создавая новые способы и пространства реализации.

Например, В. Д. Зорькин обозначил, что «цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [«Право в цифровом мире»...]. Следовательно, не усматривает в цифровых правах чего-то принципиально нового.

В то время как А. Е. Тарасова и Я. В. Лысова выделяют категорию «цифровые права» как новую категорию прав, определяющих положение субъекта в цифровом киберпространстве. При этом они используют аналогичное наименование как для описания двух различных подходов восприятия цифровых прав (в качестве «цифровой оболочки» для всех существующих прав и свобод или новой специфической категории), так и для обоснования различного содержания этой категории в частноправовом (обязательственные и иные права, содержание и условия, определенные через информационные системы) и публично-правовом смысле (система прав человека, определяющая его положение в информационной среде, Интернете и позволяющая безопасно и комфортно пользоваться новыми технологиями) [Тарасова, Лысова 2023: 88-89]. Таким образом, представляется возможным сделать предположение о том, что категорию «цифровые права» авторы видят как некий правовой ономим, когда у одинаковых по звучанию и написанию слов разное лексическое значение (в нашем случае – разное юридическое содержание).

Ряд авторов, рассматривая цифровые права, акцентирует внимание на их перечне, что создает предпосылки к пониманию их позиции как направленной на выделение новых категорий. Так, А. А. Кузнецов и Э. О. Галдина к цифровым правам относят право людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, в сети Интернет [Кузнецов, Галдина 2022: 160]. Аналогичный подход был ранее обозначен А. А. Куликовой, с той лишь разницей, что цифровые права предварительно перед перечислением выше указанных возможностей означались как комплекс прав человека [Куликова 2019: 182].

Вместе с этим не только статус цифровых прав и свобод является предметом дискуссии, но и их наполнение. Например, В. В. Жемеров фактически связывает цифровые права исключительно с информацией, определяя их как особую разновидность субъективных прав, выраженных в возможности субъекта иметь доступ к информации, электронным устройствам и коммуникационным сетям и совершать различные действия с ними. В качестве

отличительных особенностей цифровых прав он указывает: существование исключительно в цифровом пространстве, возможность реализации только через использование цифровых технологий и отсутствие материального выражения, так как объектом данных прав является информация [Жемеров 2019: 1028-1029]. В то время как В. А. Карташкин приходит к выводу, что новые права более корректно называть информационно-цифровыми, так как они неразрывно связаны с информацией, являющейся конструктором реальности и одной из социальных ценностей [Карташкин 2022: 951].

Н. В. Варламова обозначает проблему наименования новых прав, отмечая, что в отечественной литературе их обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными, в то время как в англоязычной литературе используются категории, которые на русском языке звучат как цифровые права, интернет-права, право на коммуникацию, свобода соединения с любым лицом, в любое время, в любом месте, для любых целей. При этом Н. В. Варламова проводит критическую оценку данных терминов, делая вывод о том, что ни один из данных терминов не является безупречным. Так, информационные права видятся как права, связанные с информацией, реализация которых не обязательно связана с онлайн-пространством. Характеристика прав как виртуальных создает неудачную ассоциацию, указывающую на их нереальный характер. Интернет-права или сетевые права обозначают привязку к сети Интернет, когда современные технологии не ограничиваются Интернетом. На взгляд Н. В. Варламовой, категория «цифровые права» является наиболее адекватной, но изменения, внесенные в гражданское законодательство, превратили эту категорию в узкоспециализированное отраслевое понятие [Варламова 2019: 12-13].

На основе проведенного анализа основных нормативных положений Российской Федерации, связанных с цифровыми возможностями в онлайн-пространстве, и теоретических воззрений на природу и содержание цифровых прав, представляется возможным предпринять попытку сформулировать комплексный подход к используемой терминологии.

Представляется правильным начать с определения общей концепции цифровых прав. Несмотря на то, что на данный момент сложилось две основные позиции по данному вопросу (признание либо цифровых прав и свобод в качестве новых категорий, либо технологий трансформирующей силой для уже существующих прав и свобод), более корректным видится одновременное сочетание указанных точек зрения. Фактически технологический прогресс разделил сферу правового регулирования прав и свобод человека и гражданина на две части, отнесение к которым зависит от того, существует ли у технологического явления офлайн-аналог или нет.

Например, часто в качестве нового цифрового права называют право на забвение. Несмотря на прижившееся в научной литературе наименование этой возможности, фактически введенные Федеральным законом от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» полномочия касаются базовой конституционной категории – права на неприкосновенность частной жизни, в рамках которой человек самостоятельно принимает решение о запрете распространения информации о самом себе. Таким образом, имея офлайн-аналог для данного права, говорить о существовании новой категории (обособленного права на забвение) не является целесообразным, так как это приведет исключительно к умножению сущностей. В данном случае нужно говорить не о создании новой категории, а о процессе, трансформирующем право на неприкосновенность частной жизни, которое получило новое наполнение за счет развития технологий.

Следовательно, при наличии офлайн-аналога необходимо вести речь не о цифровых правах, а о цифровизации прав и свобод, в то время как категорию «цифровые права» необходимо оставить для явлений, порожденных технологиями, но для которых невозможно найти офлайн-аналог. В таком случае исключается терминологическая путаница. Во-первых, для правовых трансформаций, вызванных цифровизацией прав и свобод, уже существующих в правовом поле, не нужно будет создавать новую категорию. Во-вторых, не будет практического смысла выделять частноправовое и публично-правовое понимание категории «цифровые права», так как цифровые права могут быть сформированы в рамках любой отрасли права. В-третьих, предложенный подход сочетается с возможностью существования цифровых прав, уже введенных в гражданское законодательство.

Однако, несмотря на указанную «возможность существования», полностью обойтись без нормативных изменений гражданского законодательства нельзя, так как на сегодня законодатель уже предпринял попытки создания конкретных видов цифровых прав (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права), но не учел, что они имеют офлайн-аналоги: ценные бумаги и обязательственные права соответственно. Следовательно, законодателю следует убрать привязку цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав от цифровых прав, фактически оставив категорию «цифровые права» пустой. Подобный подход, когда категория вводится «на перспективу», не является новым для российской правовой действительности. Так, в ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации указывается, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Категория «иные формы собственности» была введена с ориентиром на возможность появления новых, специфических форм собственности, которые нельзя будет отнести к какой-либо существующей форме собственности. Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации была принята более 30 лет назад, а дискуссии насчет иных форм собственности до сих пор ведутся, самой аргументированной остается позиция, согласно которой иных форм собственности до сих пор не существует.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в юридический лексикон необходимо ввести такие категории, как «цифровизация прав и свобод», под которой следует понимать вызванный технологическим прогрессом процесс трансформации прав и свобод человека и гражданина, создающий новые характеристики ранее установленных

правомочий (расширение, изменение их содержания и (или) добавление новых форм реализации соответствующих категорий), и «цифровые права», которые представляют собой порожденные технологическим развитием новые права субъекта права, не имеющие аналога в действующем законодательстве и обеспечивающие цифровое взаимодействие субъектов. Иными словами, цифровые права должны появляться только тогда, когда законодателю нечего цифровизировать.

Однако не всеми учеными используется термин «цифровизация», поэтому представляется правильным дополнительно проанализировать использованную терминологию и сопоставить категории между собой.

Первоначально в юридической сфере появилась категория «информация» и производный от нее процесс «информатизация». Термин «информация» произошел от латинского *informatio*, что переводится как «разъяснение, осведомление, понимание», следовательно, информация – это обработанные данные, которые приобретают определенное смысловое содержание. Таким образом, можно сделать вывод, что информатизация какой-либо сферы должна быть связана с обработкой первичных данных для получения содержания, приобретающего смысл в контексте или во взаимодействии определенных элементов. Очевидным является то, что более эффективная обработка данных, сведений или уже готовой информации будет происходить посредством использования современных технологий, однако, во-первых, наличие современных технологий не может считаться обязательной характеристикой данного процесса, и, во-вторых, обработка данных может происходить локально без необходимости подключения удаленного взаимодействия с иными субъектами или средствами. Соответственно, процесс информатизации предполагает работу со способами обработки данных и с их результатом как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве, а информационные права и свободы – это права и свободы, связанные с поиском, получением, обработкой, передачей и распространением информации (независимо от пространства совершения указанных процессов).

Появление термина «цифровизация» стало следствием перехода от аналоговых технологий (магнитофоны, радиоприемники, стационарные телефоны, проигрыватели виниловых пластинок и т. п.) к цифровым (Интернет, искусственный интеллект, дополненная реальность, 3D-печать, блокчейн, Big Data, криптовалюта и др.), под которыми понимают технологии, обеспечивающие работу с электронными данными (создание, хранение, обработка, распространение и т. п.) посредством использования компьютера и компьютерных сетей. Причем важной особенностью цифровых технологий является то, что используемая в их работе информация имеет числовую форму, на основе которой специальные программы преобразуют ее в изображения, звуки и т. д.

На основе сказанного выше можно сделать вывод о том, что цифровизация, цифровые права и свободы, цифровое пространство связаны с информацией, но устанавливать тождество между соотносимыми категориями (например, цифровизацией и информатизацией) некорректно, так как в данных сферах делается разный смысловой акцент. В информационной сфере фокус внимания находится на данных, сведениях и самой информации, допуская разные способы и пространства их обработки, в то время как для цифровой сферы сам факт обработки информации уходит на задний план (так как вся имеющаяся в этом пространстве информация имеет одинаковую природу – числовую), выдвигая на первый план использование специфических технологий – цифровых технологий. Таким образом, представляется правильным рассматривать цифровые и информационные права и свободы в качестве обособленных групп правомочий, которые могут иметь одинаковый предмет правоотношений.

Характеристика «виртуальный» аналогично применяется при описании пространства и возможностей поведения субъекта, но она также обладает основополагающими свойствами, определяющими ее смысловое содержание. С развитием технологий произошли и лингвистические изменения, которые привели к тому, что термин «виртуальный» стал использоваться для обозначения того, что не существует в действительности, но появляется благодаря функционированию определенных технологий. Как, например, отмечает Т. Я. Хабриева, виртуальные вещи обладают определенным парадоксом, а именно субстанциональной процессуальностью, когда эта вещь существует исключительно в процессе работы компьютерных программ, и процессы вычисления, телекоммуникации, человеческого мышления, сознания образуют ее субстанцию [Хабриева 2018: 95]. Именно эта характеристика определяет главную особенность всего виртуального – это то, что не может существовать в реальном мире. Например, в случае обнаружения виртуальных следов при расследовании преступления их перенос на технологическое устройство изменит статус соответствующей информации с «виртуальной» на «цифровую». То есть под виртуальным пространством можно понимать среду, в которой информационные процессы (возникновение, обработка, передача информации и т. п.) протекают непрерывно на основе функционирующих технологических процессов (программ, механизмов и др.). Разумеется, на этой основе можно построить и определения «виртуализации» и «виртуальных прав и свобод», но данные процессы представляются излишними и приводят лишь к умножению сущностей, увеличению количества запутывающих терминов, что негативно сказывается на правовом регулировании технологического прогресса.

Основываясь на сказанном выше, можно сделать вывод о том, что в правовом поле необходимо оставить такие пары категорий, как «информационные права и свободы» и «цифровые права и свободы», так и «информатизация» и «цифровизация», при этом четко разделяя их из-за различного правового наполнения.

Литература

- Арямов А. А., Руева Е. О., Чизак А. А. Цифровые права – новые горизонты или юридический тупик / Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 131-149.
- В ООН приняли резолюцию в поддержку свободы слова в интернете / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180705/1524045771.html>
- Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение права человека? / Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – №4. – С. 9-46.
- Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности / Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10. – № 5А. – С. 11-27.
- Головкин Р. Б., Амосова О. С. «Цифровые права» и «Цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2(51). – С. 163-166.
- Жемеров В. В. Цифровые права человека: теоретические и практические проблемы / Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 1026-1036.
- Карташкин В. А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – № 22 (4). – С. 949-962.
- Кузнецов А. А., Галдина Э. О. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-1 (66). – С. 160-162.
- Куликова А. А. Цифровые права в российской правовой системе: понятие, виды / Современный юрист. – 2019. – № 1(26). – С. 178-185.
- Молостова В. Е. Анализ понятия цифровых прав в России / Наукосфера. – 2022. – № 8(1). – С. 378- 383.
- Петрова И. Л., Манохин В. С. Цифровое право – новая отрасль российского права (вопросы номинации)? / Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 167-170.
- Право в цифровом мире. Выступление Валерия Зорькина на ПМЮФ / Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/>
- Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / Хозяйство и право (право цифровой экономики). – 2020. – № 10 (525). – С. 3-12.
- Талпина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 122-146.
- Тарасова А. Е., Лысова Я. В. Цифровые права как новое поколение прав человека в системе международного права в сфере прав человека / Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10. – № 1. – С. 87-95.
- Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85-102.

References

- Aryamov, A. A., Rueva, E. O., Chigak, A. A. (2020). Digital rights – new horizons or a legal impasse. Justice, 2, 1, 131-149 (in Russian).
- The UN adopted a resolution in support of freedom of speech on the Internet. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20180705/1524045771.html> (in Russian).
- Varlamova, N. V. (2019). Digital rights - a new generation of human rights? Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 14, 4, 9-46 (in Russian).
- Glushkova, S. I., Letunov, E. D. (2021). The development of human rights in the context of digitalization of society: current trends in digital reality. Theories and problems of political research, 10, 5A, 11-27 (in Russian).
- Golovkin, R. B., Amosova, O. S. (2019). "Digital rights" and "Digital law" in the mechanisms of digitalization of the economy and public administration. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 2(51), 163-166 (in Russian).
- Zhemerov, V. V. (2019). Digital human rights: theoretical and practical problems. Issues of Russian justice, 3, 1026-1036 (in Russian).
- Kartashkin, V. A. (2022). Digital Human Rights: International legal and social dimensions. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology, 22 (4), 949-962 (in Russian).
- Kuznetsov, A. A., Galdina, E. O. (2022). Constitutional human rights and Freedoms in the Digital Age. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 3-1 (66), 160-162 (in Russian).
- Kulikova, A. A. (2019). Digital rights in the Russian legal system: concept, types. A modern lawyer, 1(26), 178-185 (in Russian).
- Molostova, V. E. (2022). Analysis of the concept of digital rights in Russia. Naukosphere, 8(1), 378-383 (in Russian).
- Petrova, I. L., Manokhin, V. S. (2019). Digital law – a new branch of Russian law (nomination issues)? Bulletin of the Vladimir Law Institute, 4(53), 167-170 (in Russian).
- Law in the digital world. Valery Zorkin's speech at the SPIEF. Association of Lawyers of Russia. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/> (in Russian).
- Rozhkova, M. A. (2020). Digital rights: public law concept and concept in Russian civil law. Economy and Law (Law of the digital economy), 10 (525), 3-12 (in Russian).
- Talapina, E. V. (2019). Evolution of human rights in the digital age. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 14, 3, 122-146 (in Russian).

Tarasova, A. E., Lysova, Ya. V. (2023). Digital rights as a new generation of human rights in the system of international law in the field of human rights. Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University, 10, 1, 87-95 (in Russian).
Khabrieva, T. Ya. (2018). Law in the conditions of digital reality. Journal of Russian Law, 1, 85-102 (in Russian).

Citation:

Канакова А. Е. Дефиниции и соотношение категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод» // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 25-31.

Kanakova A. E. (2024) Definitions and Correlation of the Categories "Digital Rights" and "Digitalization of Rights and Freedoms". Legal Linguistics, 32, 25-31.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
